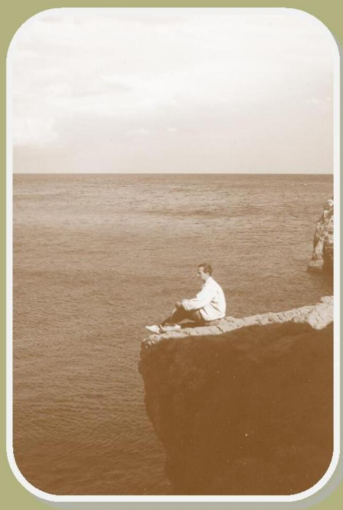

Валерий Бодров

Короткие рассказы

2011г.

18+

Валерий Вячеславович Бодров

Короткие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63551406

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказы о современной жизни человека, о его чувствах, мечтах, поступках. Все совпадения являются случайными.

Валерий Бодров

Короткие рассказы

Голос

Кажется, я пытался покрошить лук тупым ножом на деревянной подкладке. Рядом уже ожидала отмытая в колодезной воде пара оранжевых морковин. Кожура от картофеля неровным серпантинном клубилась по правую руку. С другой стороны, на ржавой, но эффективной электрической плитке в один розовый кругляш, начинала парить вода в алюминиевой пригорелой кастрюльке с побитыми краями. Воздух уже пах вареной капустой и располовиненным корнем сельдерея, когда зазвучал голос...

Всегда, при несвойственном тебе деле, пытаешься украсить время, чем-то ненавязчивым. Включишь ли тихо приёмник или радио, создавая явное и невидимое присутствие людей. Заведёшь ли постаревший кассетник, с обсыпавшимися кое-где нотами на магнитной плёнке, но всё равно, щемящими душу мелодиями юности, лишь бы твоя дачная кухня не гремела звенящей до одури тишиной.

На этот раз выбор пал на, длинноногий электрофон, симпатичный, но уже не модный, согласившийся поработать у тебя подставкой под посуду и иногда шипеть, вечно со-

скальзывающей, притупившейся иглой, выскребая звуки из поцарапанного винила. Для убедительного звучания сверху на полочку звукозаписывателя нужно положить полустёршийся ластик и тогда, песня получалась ровной без скоков, заиканий и пошедших юзом слов.

Нашёл я эти пластинки мокрым осенним полднем. Зашедши за бывший ДК имени какого-то там завода, по малой нужде. Здесь, под влажными ветками взрослых лип, у разрушенного зазеленелого фонтана с алебастровым пионером в центре, гудящим в арматуру навсегда обсыпавшегося горна, они и лежали на грудехлама.

Кривой стол, лишённый одной из своих опорных плоскостей, по бокам чёрные концертные колонки с вырванными голосовыми связками динамиков, из тёмного нутра свисают жилы проводов, потёкшие химическим карандашом, перевязанные шпагатом брикеты документации времён бесплатных кружков и товарищеских походов, наваленные на всё это, и они, промокшие насквозь, на вершине. Кто-то всё-таки не решился просто так швырнуть их мусор и положил аккуратно сверху, предоставив слабую надежду на спасение.

Инвентарные номера на белых полях конвертов. Меня поразила бумажная девственность упаковки: отчётливые типографские надписи и названия. Я вынул на свет одну пластинку, она была современного покроя, большая с белой круглой маркировкой и крупным чёрным названием советской фирмы «Мелодия», новая, не пользованная, с радужкой на бле-

стоящей тёмной поверхности. Никто и никогда не проигрывал её с момента покупки. Я просто не мог оставить их здесь, не имел права, я должен был их выслушать.

Вы понимаете, каково это чувство ожидания новых звуков, эта тайна зашифрованных бугорков на дне тонюсеньких ложбинок.

Теперь такой метод записи, почти раритет.

В найденный тут же на свалке ушедшей эпохи пакет со стилизованными английскими буквами «SOS», я сложил одну за другой: стихи Цветаевой и Ахмадулиной в исполнении, с выражением, заслуженных и народных; душераздирающие цыганские песни и романсы Сличенко; берестово-ложечное щебетание фольклорного ансамбля «Родные просторы»; органную музыку вечности Иоганна Баха, и, уже раскисший обложкой от безысходности, средневековый клавесин. Диск со стихами Маяковского, не издавший за свою культурную жизнь ни звука, валялся в траве. Расчленённый – он внушали ужас. Видимо, забредшие сюда юные вандалы пробовали на прочность «футуриста серебряного века», конверт от пластинки плавал в луже с отпечатком грязного протектора на чёрно-белом лице поэта. Я оставил эту смерть нетронутой.

Остальные: подсушенные махровым полотенцем и спасённые, поселились на моей даче и готовились к своему первому концерту.

Первым, конечно, выпросил своё выступление клавесин. Долго молчавший и однообразный он, употребил всю то-

лику моего терпения. Как всякое, не способное к особому творчеству создание, за неимением множества функций, но с огромным желанием дошипел до конца придворные мелодии. Рычажок звукозаписывающего дошёл до середины, и автоматика звонким щелчком остановила проигрыватель.

– Теперь стихи, – пресыщенный звуками эпохи возрождения, я вставлял на округлый штырёк нестандартную пластинку. Она каталась по его толстой железной лысинке и не хотела одеваться. Пришлось лезвием, лязгнувших в руках ножниц, расширить отверстие.

Снова шепелявое вступление и, ...кажется, я пытался покрошить лук тупым ножом на деревянной подкладке...

Что я мог там услышать? Старые, пожелтевшие в нестрогаемых рукописях строки, которые на магазинных полках «никто не брал и не берёт». Да что можно услышать из этого хриплого динамика, обезображенного монофоническим ламповым звучанием прошлого века? Кто вообще решится услышать голос «из-под земли»?

На плитке уже кипел суп, за крестообразным окошком на солнечной скамейке кошка усердно вылизывала котёнка, дальше под кустами красной смородины, яркими конусами свисающей до травы, расположились куры. Грязно-белый петух, лёжа на боку, вытянул веером крыло вдоль жёлтой трёхпалой ноги. У следующего куста вечно голодные дрозды воровали ягоду, маскируясь под круглыми мясисто-зелёными листьями бадана.

Я дослушал стихотворения до конца и чуть не присел мимо табурета.

Мне вдруг открылась вся тщета нашего положения, вся бесполезность и безропотность наших стремлений. Неизбежность смерти с особой ясностью коснулась запретных ещё струн, и в то же время часть меня, помешивавшая овощной бульон в кастрюльке, продолжала радоваться свету и близкому вечеру, и ягодному пирогу, томившемуся в печи.

Это моё неожиданное раздвоение остановило часть меня, повернуло стрелки времени вспять, и я увидел подобных себе. В том далёком времени, которого уже нет, и никогда не будет. Одинокая сопричастность, воспоминания на уровне интуиции, сверкнули внутри меня этим голосом, зовом к своим. И я сдался товарищи и господа, сдался. И то автоматическое проявление меня в реальном мире, откуда постепенно на цыпочках, ушла и вторая моя половина, так и не закончив приготовление ужина, теперь является лишь тенью добропорядочного налогоплательщика, который не может сам заполнить ни одну предлагаемую декларацию.

Наверняка в тот жаркий день в Коктебеле, среди полотняных штанов и белых платьев, среди широкополых шляп и плетёной мебели, мои друзья, мои герои, за бутылочкой крымского портвейна разноголосо шутили о будущем. И одна из них, сохраняя только что услышанное, дружеское, в тени увитой виноградом беседки, решила записать на обороте круглой шляпной коробки послание для меня, что сегодня

вынырнуло из круглой вращающейся пластинки, — заставило вспомнить.

Внутри себя, я готов пережить: период застоя, террор, мировую войну, две революции, эмиграцию, — лишь бы услышать ваши голоса друзья мои. Я бы отдал сегодняшние дни просто так или как принято у торгашей за мелкую монету, чтобы считалось, что эта собственность перешла к тебе не задаром. Да я уже практически это сделал, осталось совсем немного, я почти у цели...

Так и просидел: в одной руке сжимал державой луковицу, в другой скипетром тупой хозяйственный нож, онемев и оцепенев от голоса, вдруг соединившимся с моим внутренним звучанием. Постепенно ещё живая моя часть потребовала еды и ворчание про себя, наполненное ожившими образами и смыслами, было заглушено бульканьем из кастрюльки, гудением неутомимого трансформатора в проигрывателе, хлопаньем крыльев за окном.

Солнце, уходящее ко сну, заглянуло напоследок в мою растерявшуюся от неожиданности кухню, и обдало меня застывшего и смущённого вечной золотой пылью.

2011 г.

Блажь

Кстати, про них: разделённые на дорожки пенопластовы-

ми поплавками, продетыми на верёвку от борта до борта составным подвижным позвоночником. Они – существуют в каждом приличном городе. За такую разделительную линию и ухватился, вынырнувший из голубых хлорных вод центрального бассейна, подсвеченных на глубине приветливыми фонарями – Михаил.

Этот представитель мужеского пола был тогда молод, удачно сложен и мягкотел на ощупь, что нравилось некоторым, влюбленным в самих себя женщинам, коих он и вылавливал на своё тело, как на наживку, в этом кафельном садке. Самое главное в жизни, – это удобство, считал Михаил. Во-первых, после душа, перед выходом на улицу, женские прелести уже были отмыты от пота и грязи, что для слишком брезгливого чудо-Михаила было немаловажно. Во-вторых, разглядеть нужную фигуру в купальнике гораздо легче, чем под покрывами одежд, и уже при раздевании соблазненной, целлюлит и прочие неприличные бугры не будут мешать эстетическому наслаждению её телом.

Присмотрев себе добычу, Михаил, как бы невзначай, сталкивался с ней, изображая увлеченный заплыв, и извинившись, что случайно попал не на свою дорожку, – начинал знакомство. Обычно, такая наглость шокировала (всё и так было понятно), но безупречно попадала в цель. Сегодня жертва оказалась слишком хороша. Он заметил её худенькое с острыми скулами личико ещё в фойе, где верхней одежде присваивала номерок словоохотливая бабуля в синей стё-

ганной ватной жилетке. И теперь, разглядев её тонкое прозрачное тело, цокнув от удовольствия языком, решился на столкновение.

В пузырьчатой водной суматохе, Михаил, успел пройтись ладонью по её миниатюрной груди и даже коснулся напряжённого бедра, но получил в ответ только тупой тычёрк пятой в живот. Поэтому не смог ни чего сказать, а только как рыба хватал ртом воздух, едва успев зацепиться за ближайшие поплавки.

Разморённый после горячего душа, и уверенный в своей неудаче, Михаил появился около гардероба и, протянул номерок бабуле:

– Ждёт тебя уж минут десять.

Он удивлённо оглянулся и увидел давешнюю знакомую. Солнечное сплетение ещё ныло и посасывало болью, поэтому Михаил очень осторожно приблизился к стоящей у огромного витринного окна девушке. В руках она держала плащ.

– Решили меня добить, – произнёс он шёпотом, наклонившись к свеженькому, ароматному и симпатичному ушку. Девушка вздрогнула и повернулась.

Потом был голый, до мурашек по телу вечер в съёмной комнате, поющая скрипучим железным голосом монотонную песню кровать и после всего этого привкус сладковатого перегара на языке от дешевого шампанского. Ещё через час, Михаил остался один, и, теребя в руках синенькую в

блёстках невидимку, выпавшую из душистых женских волос, ощутил, как непривычно и сладко ёжится его сердце. Чувство это было для него незнакомым, поэтому он попытался от него избавиться, сказав цинично вслух:

– Сука!

Но это не помогло. Он боролся с подступающей к сердцу горячей волной и на следующий день и через день, и ещё через два дня, пытаясь победить её с переменным успехом, выставлял со своего пустынного берега волнорез рассудка. Ночами, когда бдительное сознание теряло контроль, необычное, новое чувство прорастало, давало корни и начинало цвести, распространяя запах её влажного ушка, сохранный в памяти. Неизменно на утро, он просыпался от удушливой щемящей нежности, и от наивной безысходности, и мужского страха перед вынырнувшим вдруг из пространства одиночеством.

Через неделю Михаил сдался. Под ритмичные прыжки отпущенного на свободу пульса, с букетом голубоглазых фиалок разыскал он место по адресу, написанному её рукой на трамвайном билетике и оставленному в тот, первый восхитительный день, на прикроватной тумбочке. Он теперь был счастлив, что не выбросил его сразу. Положил его в паспорт за прозрачную обложку. Когда книжечка паспорта закрывалась, исписанный билетик встречался с его фотографией, от этого казалось, что происходит своего рода поцелуй. Глупо конечно, но так Михаил продержался до второй встречи.

Строение, обозначенное корпусом «х» оказалось общением медицинского института. Взяв нахрапом бдительную вахту, он поднялся на нужный этаж, и, стоя перед заветной дверью, придирчиво оглядел себя со всех доступных сторон. Обнаружил: две капельки грязи на лакированном носке ботинка. Сложенным в треугольник свежим выглаженным платочком начал изводить нечисть, неловко наклонившись. В этой неудобной позе и застала его открывшаяся неожиданно дверь. В жёлтый полумрак коридора ринулся всепоглощающий свет.

– Ой! – Сказал её знакомый голос.

И первый раз, за всю свою бесшабашную молодость чудо-Михаил растерялся. То ли лампочки в комнате были слишком яркими, то ли густо пахло жареной картошкой, глаза заслезились, горло запершило, и вместо общепринятого, и нахального «Здрасте», – кашель и сморкания приветствовали присутствующих.

Присутствующие в комнате захихикали, что вызвало в жестокосердном Михаиле смущение.

Жителей оказалось трое. Молчаливая румяная Люба с картофельным крестьянским носом, как оказалось, Михаил правильно определил её полновато упитанную принадлежность к селу своим чутким до женщины нутром. Худошавая Оля-хохотушка, выставяющая напоказ напускную смелость и точёные икры, соскользнувшие в ярко белые носочки: «А чё? И пойдём, да хоть куда пойдём!» И его избранница Ни-

на, от растерянности скромно присевшая на уголок табуретки. Совершенно не ожидавшая его прихода неделю спустя. Ослепительная Нина, теперь в обычном домашнем хлопковом халатике до колен в синие гипертрофированные бутоны ничуть не потерявшая в нем своей значимости, а наоборот, очень подходящая сочетанием цветов под принесённый им букет.

Книги сразу были прикрыты, и никуда не пришлось идти. Знакомство мирно протекало тут же на раздвинутом для занятий столе между медицинскими справочниками и учебниками по химии. В магазине по соседству нашлось вино, большая редкость на девичьем студенческом застолье, за которым ухажёр из бассейна ненадолго спустился, озорно перемахивая лестничные пролёты с четвёртого этажа. Второй раз вахтёрша была подкуплена крупным апельсином с издевательским намёком на её пупырчатую целлюлитную кожу.

Михаил уплетал жареную картошку с квашеной капустой, прихваливая раз от разу:

– Вот так просто – картошка и капуста! Боже, как просто и вкусно, – говорил он с набитым ртом. Когда же Люба достала из заначки в дальнем углу морозилки домашнее копчёное сало, Михаил расцеловал её троекратно – крест-накрест.

– Эх, девчонки, – говорил Михаил восхищённый незатейливостью ужина и обстановки, – как у вас замечательно. Стоило всем взяться снова за книги, он отозвал в сторону Нину, и, смущаясь самого себя, попросил: «Слушай! Помой, пожа-

луйста, посуду, а то стоит, пахнет». Нина не придавала этому большого значения, она была девушка свободная от домашних предрассудков, сказала, что ей некогда и вообще: до завтра оно не скиснет. После чего принялась за недописанный реферат.

Даже отказ Нины не расстроил Михаила, а наоборот почему-то растрогал: «Да, да, – ловил он себя на чрезвычайно правильной мысли, – здесь так и нужно, именно так и нужно, и никак по-другому».

Он приходил теперь к ней ежедневно, и каждый его приход, сопровождался сначала миниатюрными шоколадками, потом размеры их увеличились, добавились кульки с конфетами, и, посчитав себя своим этом мире совершенства, стал приносить различные деликатесы. В последний раз на столе, испуганным кусочком, стесняясь предложенной тарелки с отбитым краешком и кое-где облетевшей по ободку позолотой, завялилась балыковая осетрина. Не прижилась. К ней боялись прикасаться по причине дороговизны.

– Как вата! – Испробовала малую частичку Люба, выращенная родителями на настоящем молоке и домашнем печёном хлебе.

А ещё так надрывно ныло в груди и так жалко ему становилось себя, когда он каждый раз вынужден был уходить обратно в свою темноту. Уходить из этой первозданной чистоты, привидевшейся ему избалованному цивилизованной Европой и родителями богатой жены, которая ждала, а может

и не ждала его дома – в Риге, где он, выгадывая подходящую партию, пристроил по случаю свою щепетильную судьбу.

Жена у Михаила была страшенькая, но умелая. За два дня могла связать свитер из скрученных восьмеркой, двух витков мохера. Они прекрасно шли на местном рынке и приносили семье постоянный доход. Коктейли по субботам у малознакомых, но ужасно нужных, людей; канапе вместо обильной закуски, аристократическая чопорность света, куда чужаку вход заказан; многозначительные, оттенённые Дзинтарсом взгляды; говорящие о многом мимолётные улыбки или стиснутые губы, предвестники катастрофы.

В Россию Михаил приезжал отдыхать от всего этого наносного, хотя всегда себя ощущал приверженцем именно такого образа жизни и времяпровождения. Он чувствовал себя среди простоватых россиян охотником, прибывшим из высшего мира поживиться свежим мяском. В этот раз Михаил сам стал добычей, и теперь, обнаружив у себя зачатки души и околдованный внутри её радужными переливами, не желал возвращаться в свою юдоль.

Он уже строил планы, как расскажет всё Нине, как выплачет ей свое личное. И наконец, закрутится трудная, но такая желанная жизнь полная вездесущей бытовухи, космического безденежья, но насыщенная глубоким смыслом. Он даже был согласен пойти работать на завод. Как это сделать, непонятно было и ему самому, но мысль уже прижилась в его влюблённом теле до такой степени, что он присматри-

вал себе робу в магазине с экзотическим названием «Пром-тара». Утончённый, немного женственный Михаил старался выбирать штаны с накладными карманами, строчкой по верху по сегодняшней моде и короткую куртку, подшитую широким поясом и обязательным лейблом на треугольном грудном кармашке.

Однажды он не пришёл, и не пришёл уже никогда. Нина ждала его месяц, потом нетерпеливая молодость взяла своё. Наверное, счастье её сложилось, судя по живому свету в окне четвёртого этажа, под которым, ещё две недели, пока его не увезли, рыдал Михаил, потому что...

Потому что, за ним прилетела из Риги жена, взволнованная долгим и молчаливым его отсутствием. Почувствовала что-то нехорошее. А он, сославшись на свою деловую занятость, уходил по вечерам под Нинины окна и протяжно ревел, распугивая гуляющих студентов. Напивался, и снова слезил, уже дома. На все вопросы – молчание. На все ласки – отказ.

Признаться Михаилу всё-таки пришлось. Дело дошло до больницы. Когда жена выяснила, в чём причина, рассмеялась холодным раскатистым эхом прямо в коридоре психиатрической поликлиники и вlepила ему, рассыпавшуюся в глазах Михаила золотыми искрами хлётскую пощёчину не постеснявшись знакомого врача. После этого герой наш сник, ударился в депрессию, и чтобы восстановить его значимость в семье родители жены сослали чудо-Михаила в элитный сана-

торий, где качественный уход вернул его к существованию.

Всё бы было хорошо, да только иногда, особенно по вечерам, находила на него неведомая блажь.

Он неожиданно для окружающих застывал на полуслове, впадал в устойчивый болезненный транс. Остановит зрачок на пустом месте, посидит так долгие молчаливые минуты, и вдруг вслух скажет громко:

– Сука!

Или наоборот, разрыдается ни с того ни с сего. Опустит с осторожным шумом свой женственный кулак на журнальный столик ручной итальянской работы, чтобы не повредить витиеватый китайский сервиз, употребляемый раз в неделю для питья дорогого английского чая с трюфельным печеньем. Да так что зазвенят мелодично золотые ложечки в чашечках тонкого фарфора. Выйдет в гардеробную, откроет платяной шкаф из красного дерева, где повоет, повоет, уткнувшись в женину шиншилловую шубу или лебяжий пуховик, чтобы заглушить непристойные мужика звуки. Потом, вернётся в комнату, выдержит наигранную паузу, вытирая уголки глаз, свёрнутым в треугольник платочком; переложит платочек наизнанку, перейдет на уголки губ и скажет вдруг удивлённой жене, как ни в чём не бывало: «Пойди дорогая, помой чашки, ты же знаешь, я не люблю, когда на ночь остаётся грязная посуда».

Декабрь, 2011 г.

Дивертисмент

Очевидно, я схожу с ума, потому что мне снится теперь один и тот же сон, которым я когда-то пугал штатного университетского психолога. Та верила, задавала вопросы, а потом записывала твёрдой, не выдавшей креста, рукой в густо измалёванный ежедневник в чёрных корочках.

Тогда меня это забавляло. Теперь – не знаю! Так явно симулировать собственную выдумку, мне ещё не приходилось. И какое отношение имеет ко мне эта замызганная, провонявшаяся гарью шинель, сморщенные и побелевшие от болотной воды кирзачи. Почему я снова и снова бреду в тумане собственного сознания, в пелене слипающихся век, между, почти реальных берёз и сосен, чтобы прийти на окраину всё той же деревеньки, где под раскидистым гигантским дубом стоит полуторка, развороченная прямым попаданием бомбы.

На редкость хороший день. Жаворонок пиликает в прозрачном от света небе. В прищуре глаз по ресницам прыгают солнечные зайцы.

Жара.

В тени дуба, прислонившись к остову обугленного колеса, сижу я. Дремота, смешанная с усталостью, охватывает меня, и сон во сне возвращает домой.

Дощатый выцветший забор. Георгины в палисаде на вы-

соких зелёных ногах. Оранжево-желтые и красные стрелы из шара. Изба тремя окнами в резных наличниках, смотрит, не моргая. Занавесь в среднем окне отодвигается, и я вижу задумчивое лицо женщины – это моя мать. Внутри, в самой сердцевине души, становится тепло и уютно, словно нет усталости, шинели, сапог, надобности по которой я бреду уже которые сутки. Знать бы, куда я стремлюсь, и что за сила тянет меня, не переставая, с надрывом?

Из-за дома, словно кошмар, появляется вереница людей в серой форме, под правой рукой зажаты фашистские шмайсера. Бросаюсь к калитке, машу руками, кричу матери, а она улыбается и не слышит. Я снова кричу изо всех сил, но кто-то крепко зажимает мне рот, и я открываю глаза.

– Орёш, чего? – такой же, как я солдат, в грязной шинели наклонился надо мной и изо всех сил сжимает вонючей ладонью мои губы. Я попытался освободиться, и он медленно отпустил руку.

– Чё так воняешь? – спросил в ответ я.

– Да тихо ты..., – цыкнул он на меня снова, и махнул подбородком за обгоревшее колесо машины. Я тихонько высунулся за железный обод, и невесть откуда взявшаяся злоба, колыхнулась во мне жгучей волной.

Совсем недалеко от нас в отгородке церкви из красного кирпича растянутой шеренгой стояли эсесовцы. Перед самыми арочными воротами, сохранившими кое-где следы побелки, из небольшого серого броневишка вылезал офицер-

ский чин. Его монокль так блеснул на солнце, что блик от него добрался и до моего зрачка.

– Хорошо что собак нет, – раздался шёпот у меня над ухом – , а то бы... .

Я продолжал смотреть.

Офицер достал из портсигара папиросу, подержал её между пальцами, потом смял и выбросил. Толчок сзади заставил меня посмотреть немного в бок, и я увидел, что со стороны деревни к церкви движется процессия из жителей. Вернее её гонят несколько автоматчиков.

Нам всё стало ясно. И мы уставились вверх на синее-пре-синее небо.

– Ты кто? – спросил я тихо у своего неожиданного попутчика.

– Да какая разница, ...зови Петром, – ответил он ещё тише.

Ещё какое-то время было по-летнему спокойно, и только жаворонок щебетал в безмятежной высоте.

Когда тишину разорвал сухой стук пулемёта, и короткое стрекотание автоматов завершило дело, Петр закрыл мокрые от слёз глаза рукой и плечи его начали вздрагивать от беззвучных рыданий. Я попытался сдержаться, но не смог и тоже сидел и трясся рядом, растирая слёзы по щекам.

Уже давно стих шум машин и окрики на грубом странном языке, а мы всё сидели словно приклеенные к железному обгорелому колесу. Мне стало невмоготу от стыда, и я просто

встал и пошёл на то место – прятаться, казалось, больше было невозможно. За мной на карачках выполз и Пётр, потом поднялся и пошёл следом.

Трупы лежали все в одном месте у стены церквушки, только один повис на ограде, видимо пытался убежать. Это был молодой пацан, в руке у него была зажата обыкновенная детская рогатка.

– Покурить бы..., – сказал я просто так, потому что нужно было что-то сказать. Душно стало от солнца, и тишина такая повисла, будто перед концом света последний миг настал. Пётр подошёл к раскинутому руки деду и порылся у него в карманах.

– Во кисет..., – выдавил он из себя как-то даже с радостью. Закурили. Затем выкурили ещё по две. Я всё посматривал на женщину, закрывшую собой ребёнка. Так она и лежала на ней, на нём. Подошел, проверил, может живой.

Петр принёс из церквушки две лопаты и молча сунул одну мне в руки. Так мы начали копать. Прямо рядом с церковным кладбищем на святой земле. Копали два солдата землю, потому что ...да мы и сами не знали почему. Нужно нам так было, просто нужно.

К темноте закончили таскать трупы в яму. Складывали аккуратно лица к лицам. Ребёнка с матерью положили. Деду кисет вернули. Закопали только к полуночи. Вернулись к своему колесу.

– Ты считал? – Спросил Пётр.

– Двадцать семь..., – ответил я.

Сильно ломило мышцы на спине и на руках.

– Нужно завтра крест поставить...и надпись..., деревня то хоть как называется?

– Сурож..., – ответил я.

– Откуда знаешь?

– Знак дорожный видел.

В крошечной тьме сверчки взялись за дело и под их мерный шум Пётр, и я провалились в тревожное забытие.

Утро пришло морозящим тучным небом. Шинели у обоих промокли, но встать всё равно не хотелось. Вчерашнее напряжение отдавалось при малейшем движении в каждом суставе, к каждой клеточке измотанного тела.

– Петр?

– Что..., – послышалось шевеление за моей спиной.

– У тебя табака не осталось?

– Щас, раскурюсь,...лезь под кузов...сухо тут.

Подымили молча. Дождь усиливался. Со стороны деревни донеслись звуки. Долго вглядывались сквозь синеватые полосы дождя.

– Наши, кажись, – Петр неуверенно почесал за ухом.

– Осторожничают, – добавил я, – пошли, пора.

Молодой лейтенант без ремня со шмайсером на плече долго и въедливо расспрашивал нас: где оружие, где погоны, где документы. Документы, кстати, нашлись даже у меня. В кармане гимнастёрки. Имя мне было Григорий, а фа-

милия Соколов. Что вызвало во мне некоторое замешательство, ведь вроде как я совсем другой человек. Оружие нам тоже выдали, его этот затерявшийся в отступлении взвод тащил на себе уже третью сотню километров, изредка кромсая фашистов. У них даже была сорокапятка, которую тянула лошадь. Мне достался Дегтярёв и немецкая граната, а Петру шмайсер с полным магазином, винтовка Мосина да горка патронов к ней.

После еды в пустой избе, где ещё с вчера в печи остались ещё теплые чугушки, мы показали место расстрела. Петр соорудил на нем крест и долго сидел около, раскуривая одну за одной трофейные немецкие (разжился у солдатиков).

Потом мы сушились на вдруг вынырнувшем солнышке и копали на берегу небольшой речушки окопчики по приказу лейтенанта. Я сделал небольшой земляной бруствер, разделил его на две половины и водрузил туда свой пулемёт на ножках.

После полудня на другом берегу реки появилась немецкая танковая колонна. Когда она подошла поближе наша единственная пушка жახнула по головному танку, тот скрючился дулом вниз и замер, захлебнувшись чёрным дымом. Пока танки разъезжались по полю, выстраиваясь в линию, а серая пехота трусливо пряталась за ними, я дополз до ячейки Петра и спросил:

– Слушай, а всё-таки, чё от тебя так воняет, а?

– Да рыбу я ем вяленую... вот, – он достал из кармана про-

мокшую, отдающую тухлецей воблу и сунул мне под нос.

— Слышь, отломи, чутка пожевать...

— Да за ради Христа...

Оказавшись в своём окопчике, я первым делом с толком и чувством дожевывал похожий на резину рыбный кусочек. Затем с таким же чувством и толком прильнул к прикладу пулемёта и положил палец на спусковой крючок. Глаз выцеливал на конце дула идущие по полю между танками серые фигуры.

Теперь я уже знал, что через некоторое время, после того, как мы откроем огонь, прицельным танковым снарядом разворотит мой бруствер. Я оглушенный, с гудящими колоколами в голове и засыпанными землёй глазами, всё ещё буду стрелять, пока огромная железная гадина с белым орлом на пузе не подползёт слишком близко. И моя единственная граната остановит её, вот только она успеет ужалить меня прямо в грудь. Но до этого ещё есть время, и далёкий голос лейтенанта кричит команду «Огонь».

Тогда, затаившаяся до этой минуты моя свинцовая ярость начинает убивать со скоростью шестьсот выстрелов в минуту.

Просыпаясь уже восьмой раз после смерти в своём относительно безопасном двадцать первом веке, в пустой тихой квартире, я сижу на кровати, потирая зудящее место на груди, куда только что влетели ... пули.

Жаль, что в этой жизни я не курю, и друга у меня нет по

имени Пётр, который любит вяленую рыбу, но я нашёл на карте и эту деревню, и эту церквушку. А значит, всё это было. Это уж я точно могу сказать.

2011 г.

Война

(Рассказ отца, как он на войну ходил)

Уже четвёртый год шла война. Причём для Славки она шла по – настоящему, как например, ходит расфуфыренный петух по двору среди пасущихся в траве куриц. Но теперь всех пернатых уже приели и сам петух не избежал этой участи. Мамка дробила толкушкой куриные хрящи и кости, чтобы получить муку и напечь лепёшек. Слава Богу, дрова ещё были, дров было хоть отбавляй. Целый лес за гумном, где летом колосилась пшеница. В ходу так же были сушёные грибы и мочёные яблоки, но сколько их ещё оставалось, мать не показывала, запирала подпол на замок.

О войне Славка узнал из большого чёрного репродуктора, похожего на огромное кабанье ухо, висящее на столбе у дома головы колхоза. Папка, когда еще не ушёл на войну, приносил с охоты серые кабаньи туши – жёсткая черно-серая щетина, чёрные пятаки на морде, ну и уши, конечно же, как репродукторы.

Мать каждый день ходила к столбу, чтобы послушать

сводки с фронтов, но детей с собой не брала, чтоб по сугробам не маялись и не мёрзли зря. Заболеешь, всё – считай, пропал. Поэтому Славка всегда первый подбегал к матери, когда она возвращалась, вся в инее со следами метёлки на валенках и морозной розовощёкостью. Остальные: Глаша-трёхлетка и Вовочка годовалый сидели на печи, как цыплята, сверкая из темноты белками глаз. Да и самому Славику было всего пяток лет, но мать его оставляла за старшего и он очень этим гордился. Ведь старший – это значит главный.

Славик спрашивал у матери: «Далеко–ли ушла война, и скоро-ли папка её прогонит?» Мать только махала рукой, скидывая шерстяной платок с головы вместе с примёрзшими ледышками на нём, и говорила с придыханием: «Уже недолго осталось, уже недолго». Потом она лезла под пол и вынимала скудные припасы, чтобы накормить детей.

«Если он главный», – думал Славик, – «значит, он может помочь папке прогнать приставучую войну», – как он когда-то прогнал

наглого петуха, который, норовил то и дело вспрыгнуть ему на спину, пока никто не видел. И когда Славка жаловался, он, как назло мирно гулял по двору и искал зёрнышки курам. Пришлось ему самому брать в руки палку и задать трёпку этому наглецу – отстал.

Так и стал копить себе провиант Славка, готовясь к долгому походу на войну. В углу за печкой были завёрнуты в тряпицу две костяные лепёшки, каменный сухарь от горбушки

чёрного хлеба и обломок старого ножа с самодельной ручкой из той же тряпки. Всё это богатство лежало в жестяной коробке из под ландрина, где батяка раньше хранил рыболовные крюки. Крюки пришлось обменять на сахар, а коробку Славик прибрал себе для тайников, чтобы мыши не пробрались к его схрону. На крышке был нарисован мальчик в белой рубашке и панталонах протягивающий леденец девочке в розовом платье. Глядя на этот рисунок маленький Славка думал, что это сюжет из какой-то сказки, из какой он не знал, но в жизни он таких одежд не видывал никогда.

Скоро припасы пополнились ещё двумя костяными лепёшками, и Славка решил, что настала пора выдвигаться в путь. В один из таких же морозных дней, когда мать ушла в сельсовет, он надел свою телогрейку, доставшуюся от отца, с завёрнутыми под размер рукавами. Нахлобучил шапку, перешитую из старых отцовских рукавиц, положил за пазуху провиант (жестяную коробочку оставил на месте, попрощавшись с мальчиком и девочкой на крышке, нож спрятал в карман, поближе, вдруг сразу пригодится). Сунул ноги в отцовские валенки на несколько размеров больше чем он сам и так же, как делала мать, сказал Глаше: «Остаёшься за старшего, я иду войну гнать».

Глаша только хмыкнула спросонья и перевернулась на другой бок.

На дворе было морозно. Сугробы, что набросала мать, расчищая дорожку к калитке, оказались выше головы, а за

околицей и вовсе расплескалось белое море ни конца, ни края не видать. Только лес чернеет вдалеке чёрной пилою двуручной, выгнувшись на горизонте. Где ещё война может быть? Конечно же за тёмным лесом. Далеко в поле уйти не удалось, и лес всё не приближался. Снег становился всё выше и глубже. Славик уже почти полз по нему, оставляя за собой не следы, а маленькую борозду. Где-то совсем ещё недалеко от колхозного овина он провалился глубоко в сугроб и один валенок сугроб оставил внутри себя. Достать он его уже не мог. Посидел немного. Съел костяную лепёшку. Лепёшка оказалась на редкость колючей, бывало, что матери не до конца удавалось размолоть кости. Он до крови уколол себе язык.

Ещё раз попробовал потыкать ножом пушистый снежок, вкладывая в эти тычки всю ненависть к войне, к сугробу, который отобрал валенок, и, что делать, пополз обратно. Так и вернулся домой в одном валенке, долго грел примороженную ногу у печи. Потом мать сходила за ним по его следам, принесла валенок весь белый в ледяных корочках, но ничего не сказала и ругать не стала, когда он ей, после долгих расспросов, всё – таки решился сознаться, зачем полез на поле, на снежную целину. Весь оставшийся день, он ходил, насупившись, а мама нет, да поймает его и гладит и гладит по голове молча, ласково.

Ночью Славик слушал, как скреблась за печью мышь, и тихо плакал, чтобы не слышали ни Глаша, ни Вовочка, ни

тем более мама. «Эх, если бы не валенки, я бы эту войну...», – шептал он себе под нос, а ещё через час уснул, крепким здоровым сном ребёнка.

10.12.2015.

Диво

Как одиноки и тихи наши русские деревеньки среди простоволосых полей, причесанных околоточными ветрами берёзовых рощ, сосен – просвеченных солнечным шишкинским светом и окутанных сказочной тайной тёмных билибинских ельников. Именно в таком, забытом нынешней властью уголке, мой отец-пчеловод и купил дом в три окна.

Соседей оказалось немного. Да и те, что доживали здесь свой отмеренный век, были выходцами из другого, параллельного с нашей цивилизацией мира. Когда бабка Матрёна доила свою единственную здесь корову Берёзку, за парным молоком к ней приходили все местные жители. Дед Матвей в застиранных до белизны штанах, в холщёвой старомодной косоворотке, подпоясанный сальной почерневшей бечевой (лаптей только не хватает), сидел на лавочке, ожидая своей законной кринки и, растирая босой пяткой серебристую пылюку на земле, отвечал мне:

– Нету здесья никакой особой дичи,...повывелася вся...было дело и кабан, и лось жировали, от волков по из-

бам прятались, а тепереча сгинуло всё. Ты, мил человек, коль за грибам соберёшься, правее иди ...слева-то деревенька Калиновка заброшена, одна нечисть там обитат, да болото за ней...трясина, провалишься – поминай, как звали. Люди из-за этого оттудова и ушли, боялися чего-то болота, и дорога уже в глухомань эту стернёй поросла. Не ходи туда, – заплутаешь тока, а то и того хуже.

Какое-то достаточно продолжительное время я действительно обходил с корзинкой это место. Что толку по болоту-то шариться и грибов не наберёшь и вымокнешь весь. Нравились мне леса просторные, чтобы каждый кустик, каждое деревце отдельно стояло. В мураве шелковистой: то беленьких выводок, то серых дорожку отыщешь и солнечно так, – весело как-то на душе. Но задумали мы однажды с подругой моей – Олей, в лесу любовь покрутить, а заодно и тихой охотой побаловаться. Может ягода какая попадётся или листа брусничного для чая надрать, ну разнообразить жизнь свою душную, городскую. Только у радости глаза близко глядят, а дальше собственного носа ничего не видят. Увлеклись мы солнечным деньком, грибов уже по пол корзинки насобирали и обед, что с собой взяли, слопали с удовольствием. На воздухе то оно, аппетит хороший разыгрался. Так понравилась моей чувствительной барышне это путешествие, что не заметили мы, как оказались в местах мне неизвестных. Ольга ничего не замечала, поскольку полагалась на меня, как на знатока здешних красот. А я снаружи старался не пода-

вать виду. Это только внутри себя я давно начал бить тревогу. Светило как назло пропало, небо заволокло дымными кучами. Ориентиры мои остались далеко позади и потерялись там. Лес становился всё гуще, живописных полянок всё меньше. Крапива да чепыжи теперь заслоняли наш путь. Мы уже перестали безудержно целоваться в каждом симпатичном месте, и только шли, и шли, – даже прилично подустали.

Ещё через час стало всё понятно, и мы опустились на ржавые елочные иголки, потому что дальше идти было некуда и видимо уже незачем. Огромные ели сразу обступили нас со всех сторон, гулкая тревожная тишина повисла в застывшем воздухе.

Попробовал я сориентироваться по лишайникам на стволах деревьев, но они как назло были абсолютно с разных сторон и всё равно, куда идти было не понятно. Тогда я послушал себя, нащупав внутри некую дрожащую стрелку внутреннего компаса, решил ей довериться.

Через весьма долгое и мучительно-молчаливое время лазания по буреломам, лес, наконец, сжалился над нами и решил расступиться, но сильно мы не обрадовались. Перед нами, утыканное кривыми тонкими берёзками простиралось изумрудно-салатное в лёгкую кочку пространство болота, которое почти на горизонте снова упиралось в чёрную стену леса. Я вспомнил деда Матвея и понял, что стрелка вела меня правильно, там, – за болотом и будет направление на заброшенную Калиновку и нашу деревню.

Как быть нам теперь?

Сначала мы шли краем топи, в надежде, что она когда-нибудь начнёт закругляться к дому, но, добравшись до близких деревьев, которые, казалось, ограничивали гать, разгадали обман зрения. Здесь болото переходило в открытую воду. Она была всюду: промеж деревьев, вырезая из суши отдельные островки, и уводила глубокие канавы-русла тёмным ставком в глубину, зачирканную стволами и ветками. И, пожевав, перед броском, начавшую вдруг попадаться в изобилии чернику, вооружившись слегой, мы двинулись вперёд, по мягкому, сочившемуся вонючей влагой, мху, перепрыгивая водные каналы в узких местах. Конечно, я знал, что мы обязательно выберемся из этой передрыги, просто хотелось сделать сие поскорее, так как спутница моя хоть и держалась, но чувствовалось, что силы у неё уже на исходе. Её глазки на мокром месте и две корзины в моих руках завершали картину.

Пасмурный день ещё не собирался заканчиваться, так же, как и не собирались заканчиваться канавы, заполненные водой. Мы прыгали с островка на островок, и я уже начал серьёзно волноваться, потому что засветилась возможность делать это бесконечно. Несколько раз мы запрыгивали на тупиковые участки суши, выхода с которых не было. Тогда после короткого отдыха приходилось возвращаться на исходную точку, где наблюдалась хоть какая-то развилка путей. На очередном замкнутом острове, окружённом всё тем же по-

лукругом тёмной широкой воды, мы обнаружили холмик с грибной лесенкой из подберёзовиков, самый большой из них царствовал на вершине. Само деревце-мать росло поодаль за холмом. Я потянулся за самым главным, не оставлять же добычу тут, в пучине болот, и совершенно случайно мой взгляд упал на ветки берёзы. Маленький раскладной ножичек выпал у меня из рук, и я оцепенел не в силах издать какой-либо звук.

Существо было зелёного цвета, чешуйчатое, около метра длиной, с острым игловидным загривком. Из толстенького туловища с белёсым, как у ящерицы животиком, теряющим цвет к середине, торчала длинная шея с грозного вида головой на конце. Прыщавые перепонки шестигранником на месте ушей, красные глазки. На спине, сложенные кожаной гармошкой, покоились два крыла. Хвост утончался к своему концу и заканчивался острой пикой, такие стрелки детки обычно рисуют мелом на асфальте, указывая направление игры. Существо всеми четырьмя лапами держалось за тонкий ствол берёзы. Я смотрел на него, оно смотрело на меня. Один раз плёнка моргнула, закрыла змеиный зрачок.

Придя в себя, и, нащупав другой рукой Ольгу, сидящую к этой сцене спиной, прошипел:

– Смотри, смотри! – Она обернулась и, ойкнула.

Существо расправило крылья так, что стало видно просвечивающие грязно-жёлтые перепонки. Крылья оказались не очень большими, даже можно сказать, бутафорскими. По-

том оно, шумно помахав ими, словно лениво потянулось, начало переставлять лапы по стволу и резкими рывками полезло в крону дерева.

Мы, оставили грибы в покое и начали пятиться, прихватывая по пути корзины, слегу и как только остроконечный хвост скрылся за листвой, бросились бежать.

Через какое-то весьма непродолжительное время лихорадочной скачки через канавы, я ещё умудрился в второпях провалиться одной ногой в холодную жижу. Ольга с доисторическим стоном вытягивала меня за обе руки. Одна корзина рассыпалась, но мы не стали её собирать. Схватили, что осталось и понеслись дальше.

Неожиданно пошёл ровный лес, потом сразу поле и мы увидели первый дом заброшенной деревни. Только там, у околицы упали в жесткий переросший клевер и лежали, тяжело дыша и собирая рвавшиеся от страха в разные стороны мысли.

Сапог был снят и освобождён от хлюпавшей в нем воды. Дыхание восстановлено, компот в пластиковой бутылке допит. Мы вошли в Калиновку по главной и единственной улице.

Деревня представляла собой жутковатое зрелище. Почти все дома ближе к лесу сгорели дотла. Только размытые дождями печи топорщились трубами в хмурое небо, кое-где и они уже наполовину обвалились. Пепелища поросли гигантской крапивой и плантациями Иван-чая. То тут, то там воз-

вышались апокалипсические шапки оккупанта борщевика. Только в начале деревни три дома оказались почти целыми, было видно, что и они горели с разных сторон, но по неизвестным причинам всё ещё стояли целые, хоть и в угольной окантовке.

Мы вошли в один из дворов, поражённые и смущённые представшей перед нами картиной, всё ещё с учащённым сердцебиением, готовые в любой момент сорваться с места от страха.

Сквозь крышу веранды, пристроенной к основному дому, проросла ива. И судя по её толщине, обосновалась она там давно. В сам дом я зайти не решился. Больно скорбно глядел он выковырянными окнами-глазницами прямо в душу. Удовлетворился обследованием только полуразрушенного колодца, детских качелей, приделанных к сучковатой берёзе, болтавшихся на одной стропе и лавочки, посеревшей от времени. Мы осторожно присели на неё, понимая, что за давностью лет, она может не выдержать. Но доска даже не шелохнулась. Я стал разглядывать выцарапанные на ней каракули и вдруг явно увидел вырезанного на её поверхности остриём ножа силуэт дракона.

Эта история лишила меня покоя надолго. Я пожелал узнать о драконах всё. Но к моему великому сожалению, ничего подобного и похожего по описанию на то, что мы видели на болоте, я не обнаружил ни в одном атласе, ни в одной энциклопедии. Реальность оказалась куда интереснее, чем я

предполагал. Зато обнаружились свидетельства очевидцев. Так, в одном сибирском селе, до сих пор из тайги приходят на запах дыма мамонты и рушат своими неуклюжими тушами хозяйственные постройки. В одном из озёр, опять же Сибири, живёт доисторический ящер. Учёные многих стран вышли на след чупакабры, а в озёрах Прибалтики живут люди-русалки обоего пола. Только про моего маленького дракошу ни слова. Я уже начинал думать, что нам померещилось. Но вот однажды! Вот она сила пытливого человеческого ума!

Пролистывая эзотерическую книгу некоего Мегре под чудесным названием «Анастасия», я обнаружил похожее описание. Привожу его по памяти, так как оригинала нет под рукой. «Эти животные вырастали примерно до размеров коровы и питались только травой. Большое количество зелени, которое они поглощали, начинало бродить у них в желудке, вызывая обильные летучие газы, очень сильно раздувая живот, что и поднимало их в воздух. Узкий хвост и маленькие крылышки помогали направлять движение – так они перемещались, выедая всю зелень в округе, на другое место. Потом эти места заболачивались. Чтобы опуститься обратно на землю, такой летающей корове нужно было всего лишь выпустить газ из брюха. Газ отрывался и поскольку был сильно горюч, любая искра между почти кремниевыми зубами в пасти, которой он постоянно клацал, поджигала его. Вспышка огня с шумом выходила наружу и при посадке, конечно

же, могла что-то и поджечь». Бедная деревня Калиновка!

Я рассказал эту историю своему приятелю журналисту, и как ни странно, он мне сразу поверил, даже решился написать по этому поводу заметку и разоблачить грозный образ дракона, приписанный ему людьми, до простой летающей коровы.

Мы ещё посмеялись на эту тему, и он же сказал замечательные слова, которые я вспоминаю до сих пор и всем привожу, как образец трезвого отношения к жизни.

– Если бы сейчас, из-за угла вышел вампир в чёрном плаще, – говорил он, хитро щурясь и потягивая сигаретку, – со стеклянными от удовлетворения глазами и окровавленным ртом, прошёл мимо нас по своим вампирским делам, я бы и то – не удивился. В нашей необъятной стране и не такое диво может случиться».

Декабрь, 2011г.

Корабль плывёт

Она и сама не могла постичь, как это у неё вдруг случилось сидеть вот так на лавочке тёплой летней ночью под липой, пахнувшей бабушкиным чаем. И, неумело открыв рот, стараясь не задеть зубами чужой напористый язык, ошупывающий её нёбо, следить, каким-то внутренним глазом за осмелевшим пятиконечным существом. Существом тёплым

(скорее да, чем нет) желанным, уже почти добравшимся до заветной цели по оцепеневшему, чтобы не спугнуть, бедру, под специальной укороченной для этого случая просторной юбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.